

УДК 821.161.1

Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-102-116

ОБРАЗ ХЛЫСТОВСКОГО «ПРОРОКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И И. С. ТУРГЕНЕВА

Карпачева Т. С.

Московский городской педагогический университет

*129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
Российская Федерация;*

Московский государственный областной университет

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье ставится и решается задача – провести сопоставительный анализ осмысления Ф. М. Достоевским и И. С. Тургеневым проблемы сект. Впервые в литературоведении прослеживается сходство и различие в изображении хлыстовских «пророков» в «Хозяйке» Достоевского и в «Странной истории» Тургенева. Изображение сектантского лидера, лжепророка, поработящего волю тех, кто ему верит, подтверждается историческими исследованиями о культах. Статья предназначена не только для филологов, но и религиозоведов, историков, а также всех, кто интересуется русской классикой и историей религий.

Ключевые слова: Достоевский, Тургенев, секты, хлысты, хлыстовщина.

THE IMAGE OF THE “PROPHET” KHLYSTOV IN THE WORKS OF F. DOSTOEVSKY AND I. TURGENEV

T. Karpacheva

Moscow City University

4 bld. 1 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article poses and solves the issue of conducting a comparative analysis of the attitude to the problem of sects by Dostoevsky and Turgenev. For the first time in literary studies, similarity and difference are being traced in the depiction of the Khlystov's “prophets” in Dostoevsky's novel “The Mistress” and in “The Strange Story” by Turgenev. The image of the

sectarian leader, the false prophet, enslaving the will of those who believed him, is confirmed by historical research on cults. The article is intended not only for philologists but also for religious scholars, historians, as well as anyone interested in Russian classics and the history of religions.

Keywords: Dostoevsky, Turgenev, cults, khlysts, khlystovschina.

В статье мы обращаемся к теме нетрадиционной религиозности в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, к осмыслению образа сектантского лидера – «пророка», как называли хлысты и скопцы руководителей и особо почитаемых членов своих общин, способных, по их мнению, возвещать волю Бога. Заявленная тема весьма широка, и мы только приступаем к её изучению, так что, ввиду невозможности в рамках статьи охватить её целиком, пока ограничимся двумя произведениями: повестью «Хозяйка» Достоевского и рассказом «Странная история» Тургенева. Насколько нам известно, до сих пор попыток сравнительного анализа изображения сект и (или) сектантов в творчестве Тургенева и Достоевского литературоведами не предпринималось. Только Б. Г. Реизов ещё в 1970-е гг. сравнивал «Хозяйку» Достоевского с произведениями Тургенева «Песнь торжествующей любви» и «После смерти (Клара Милич)», осмысливая в них роль «таинственного и мистического» [21].

Термин «секта» происходит от латинского слова “secta” («школа, партия, учение») и имеет две возможные этимологии: слово может происходить либо от латинского “secare” – «отсекать» (часть от целого), либо от также латинского “sequi” – «следовать» (за кем-либо). Как отмечает А. Л. Дворкин, «каждая из этих этимологий по-своему раскрывает смысл понятия сектантства» [7, с. 43]. Обе версии происхождения слова объясняют и сюжетные

линии «Хозяйки» и «Странной истории»: и Катерина, и Софья были отсечены от своего окружения, от своих семей и последовали за своими «гуру». В обоих произведениях поднимается проблема власти «над слабым беззащитным сердцем». На наш взгляд, в обоих произведениях изображены так называемые хлыстовские «пророки».

В творчестве Достоевского тема сект, помимо повести «Хозяйка», отражена в романе «Преступление и наказание» (образ красильщика Миколки), в публикациях, входящих в «Дневник писателя». К осмыслению «сектантской» темы в «Хозяйке» обращались К. К. Истомин [11], И. Л. Волгин [5], О. Г. Дилакторская [8], Т. С. Карпачева [12] и другие исследователи. В творчестве Тургенева Н. Л. Бродский выделяет три произведения, где осмысливается исследуемая нами тема: «Касьян с красивой мечи», «Странная история» и «Степной король Лир» [3]. Позднее изучением проблемы сект у Тургенева занимался Ю. Д. Левин [14]; из современных тургеноведов этот вопрос наиболее основательно рассматривает Ю. В. Маслова [16].

В XIX в. проблема сект стала широко обсуждаться лишь начиная с 60-х гг. [см., напр.: 18, с. 22]. В 1840-е гг. работы по этому вопросу выходили малым тиражом и предназначались «для внутреннего пользования» в Министерстве внутренних дел. Так, всего в 20 экземплярах вышло исследование В. И. Даля о двух наиболее многочисленных и распространён-

ных сектах того времени: хлыстах и скопцах. В 1845 г. Н. И. Надеждин дополнил труд Даля – его исследование, также предназначенное для ознакомления членов специальной комиссии, учреждённой с целью изучения хлыстов и скопцов, вышло в 25 экземплярах. С большой вероятностью можно сказать, что Достоевский не был знаком с этими работами, однако, как отмечает Ю. В. Маслова [16, с. 72–73], вполне мог ознакомиться Тургенев. С 1843 по 1845 г. Тургенев служил в Министерстве внутренних дел под началом В. И. Даля, занимавшегося в то время как раз расколом и сектами. Там же, в той же канцелярии, работал и Н. И. Надеждин. Таким образом, одни из первых русских исследователей сект были коллегами Тургенева, и он мог черпать информацию «из первых уст». В 60-е гг. Тургенев активно читает труды историка раскола А. П. Щапова, что отражено в его письмах, и к моменту написания «Странной истории» (1869) писатель мог уже опираться на ряд специальных работ о сектах и расколе. Достоевскому же при написании «Хозяйки» (1847) опираться было практически не на что. По предположению И. Л. Волгина, почерпнуть сведения о хлыстах Достоевский мог, учась в Инженерном училище, где сохранялась память о кружке Е. Татариновой, чьи радения проходили в том же здании, в Михайловском замке, переоборудованном в Инженерное училище в 1820-х гг. Также, по мысли Волгина, Достоевский мог узнать о современном состоянии хлыстовщины от А. В. Ханыкова, знакомого ему по кружку петрашевцев. В доме брата А. В. Ханыкова, Я. В. Ханыкова, чиновника Министерства внутренних дел,

проходили собрания секты хлыстов с участием его жены и тестя, которым действительный статский советник не препятствовал [5, с. 262–265].

Исследователи Достоевского на протяжении XX в. причисляли героев повести «Хозяйка» то к старообрядцам, то к сектантам, не всегда разграничивая эти явления. Так, Г. М. Фридендер в примечаниях к 30-томному собранию сочинений Достоевского называет Мурина одновременно и «купцом-старообрядцем»¹, и «купцом-сектантом»². Из достоевсковедов XX в. больше всего внимания религиозным взглядам героев «Хозяйки» уделил, пожалуй, К. К. Истомин. Поведение Мурина в ряде эпизодов повести он сопоставляет с религиозным экстазом и соотносит с известными религиозно-ведческими работами, в которых описывалось это явление: «История экстаза нарисована здесь до такой степени правильно и детально, что каждое слово художника находит себе оправдание в научных работах по сектоведению» [11, с. 35]. При анализе повести Истомин опирается на исторические труды А. П. Щапова и работы Д. Г. Коновалова, изучавшего ещё в начале XX в. трансовые практики хлыстовщины с медицинской точки зрения.

В настоящее время в науке о Достоевском уже наметилась достаточно устойчивая тенденция причислять героев «Хозяйки» к секте, вопрос только, к какой именно – здесь иссле-

¹ Примечания к повести «Хозяйка» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 508.

² Примечания к повести «Хозяйка» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 509.

дователи расходятся во мнениях. По ряду признаков: экстатические состояния, обращения «братец – сестрица», специфическая любовная линия (мы помним, что Мурин – любовник матери Катерины и, возможно, её же отец¹) – Мурин и Катерина принадлежат к хлыстовству. Именно хлысты, по наблюдению исследователей религиоведов, отличались наиболее пренебрежительным отношением к морали. Так, в числе признаков, идентифицирующих хлыстов, К. Н. Плотников отмечает «лёгкость половых отношений, сопровождающуюся нередко разрушением семейных уз и нескрываемыми прелюбодейными связями» [19, с. 28]. П. И. Мельников-Печерский указывает на то, что для некоторых общин хлыстов был характерен «разврат, не разбирающий ни возраста, ни уз родства» [17, с. 314]. На этот же признак указывали А. П. Щапов [23, с. 594–595.], С. Д. Маргаритов [15, с. 29] и другие исследователи.

Подробному изучению вопроса религиозной принадлежности героев посвящена статья О. Г. Дилакторской «Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (к истолкованию повести “Хозяйка”»». На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное и всестороннее исследование «Хозяйки» с опорой на множество исторических трудов, но всё же нам представляется, что вопрос вероисповедания героев

здесь определён не вполне точно: исследователь причисляет их к скопчеству. «Мурин – сектант-идеолог, – отмечает Дилакторская, – он читает, пересказывает и толкует “старинные”, “раскольничьи книги”, обращается к излюбленной раскольниками теме конца света» [8, с. 68]; «под эмоциональным воздействием Мурина Катерина живёт в предчувствии Страшного Суда – “как приговорённая к смерти, не чая помилования”» [8, с. 64]. Действительно, Мурин по отношению к Катерине берёт на себя роль и отца, которым он, возможно, на самом деле является, и мужа, и священника, и самого Бога – именно такова абсолютная власть сектантского лидера. Вспомним эпизод с псевдоисповедью Катерины в церкви, когда Мурин накрывает её покровом, как бы «отпуская» грехи. Таким образом, исследователь абсолютно точно показывает власть Мурина, основанную на манипулировании религиозным чувством Катерины. Колдун убеждает Катерину в том, что его власть над ней простирается и за границами земного мира: «Он говорит ... что когда умрёт, то придёт за моей грешной душой»². Однако любовный треугольник повести: Катерина – Мурин – мать Катерины, которую он называет «старой любой» и которая явилась жертвой его преступления, не позволяет идентифицировать героев со скопцами. На наш взгляд, Мурин принадлежит к хлыстовству и занимает в хлыстовской общине почётное место³. Хотя, впро-

¹ Мать Катерины, раздосадованная поведением дочери, говорит ей: «Уж я скажу ему (своему законному мужу. – Т. К.), чья ты дочь, беззаконница!» [Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 296]. Ряд исследователей считает, что это намёк на то, что отец Катерины – Мурин.

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 293.

³ Подробнее о принадлежности героев к хлыстовству см.: Карпачева Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского

чем, по классификации как В. И. Даля, так и П. И. Мельникова-Печерского, хлысты и скопцы представляли собой фактически две ступени одной и той же секты.

На возможную принадлежность к хлыстовству гипнотизёра, а впоследствии странника Василия, героя «Странной истории» И. С. Тургенева, указывает Н. Л. Бродский. Интересно, что для анализа образа Василия он обращается к той же работе, что и Истомин для понимания образа Мурина – к книге Д. Г. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве». Опираясь на его монографию, Бродский утверждает: «... то, как проявляется религиозная настроенность Василия, нарисовано автором поистине с научной точностью» [3, с. 31]. Исследователь отмечает следующие черты, иллюстрирующие принадлежность Василия к хлыстовщине: «мещанка называет его Божиим человеком – хлысты всегда называли себя этим именем»; «Мастридия называет Василия своим сыном “по духу”: на языке хлыстов выражение “родился духовно” обозначает обращение в секту “людей Божиих”» [3, с. 30]. Добавим к этому, что сам Василий в конце повести называет Акулину (то есть Софью) дочкой, соответственно, он считает себя её духовным отцом. Отметим, что и у Мурина есть некая «названная матушка», с которой он на год оставляет Катерину, когда уезжает для чего-то с товарищами «вниз по реке»¹. Бродский

«Хозяйка» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 34. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39.

¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 300.

обращает также внимание на уменьшительно-ласкательные имена, которыми использовались хлыстами и которыми Мастридия называет Василия (Васенькой), а Василий – Акулину-Софью («чадушко», «Акулинушка»). Здесь также можно провести параллель с «Хозяйкой»: обращения Катерины «братец родной», «спознай сестрицу», «голубь горячий»² и т. д. Такая манера общения была характерна для хлыстов, и на это указывают многие исследователи, обращавшиеся к изучению секты. Хлысты «зовут друг друга не иначе как ласкательными именами Иванушка, Марьюшка, братец, сестрица» [19, с. 27], – отмечает специалист по сектам и расколу конца XIX–начала XX вв. К. Н. Плотников. То же наблюдение делает и С. Д. Маргаритов: «В ознаменование своего братства хлысты даже зовут друг друга не иначе как ласковыми уменьшительными именами: Романушка, Ульянушка, Иванушка, братец, сестрица ...» [15, с. 47]. Само имя, которым наделяет Василий Софью, – Акулина, по мысли Бродского, намекает на одну из хлыстовских общин – акулиновщину, во главе которой стояла «хлыстовская богородица» Акулина Ивановна [3, с. 30].

На так называемые «пророчества» обоих героев исследуемых произведений уже обращали внимание как тургеневеды, так и достоевисты. Так, О. Г. Дилакторская замечает: «У хлыстов и скопцов особое значение придавалось пророческому слову кормщиков (это называлось “ходить в слове”) ... в их слове, по представ-

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 302.

лению сектантов, воплощался сам Христос. В “Хозяйке” Катерина говорит о Мурине, в котором и она, и многие другие признавали пророческий дар: “Он властен! Велико его слово!” [8, с. 64]. Н. Л. Бродский пророчества Василия считает одним из главных признаков его принадлежности к хлыстам: «... экстаическое возбуждение функций речи у наших сектантов выражается в форме пророчества ... Прислушаемся к словам Василия и мы найдем, что и он обладал тем же даром: “Помни день Покрова Богородицы” (говорит он хозяйке постоялого двора). “Будет тебе, будет много”» [3, с. 35] (курсив авт.). Возможно, Тургенев не случайно включает в речь Василия упоминание именно о дне Покрова Богородицы. Как указывает исследователь хлыстовства Н. В. Реутский, основатель секты Данила Филиппович умер в день Покрова Богородицы, и все члены хлыстовских общин в этот день поминали его [22, с. 7]. «Что касается содержания экстаических речей сектантов, – отмечает Бродский, – то характерную особенность составляет их непонятность, впрочем, не смущавшая слушателей тех или иных прорицателей ... мещанка-хозяйка и ахала от удивления, и украдкой крестилась под косынкой и, слушая слова юридивого, ... лишь причитала: “Эхма, Степаныча нет, вот горе наше-то! Слово какое спасительное скажет, а мне бабе и невдомёк!”» [3, с. 36] (курсив авт.). Действительно, бессмысленность речей сектантских «пророков» как отличительную особенность секты замечают практически все исследователи хлыстовщины. По наблюдению И. М. Добротворского, «если пророк

говорит глупости, никто не смеет подумать, что это глупости, но стараются находить в его словах смысл, которого они не имеют» [9, с. 56]. Так и хозяйка постоялого двора полагает, что это она, «баба», не может постичь «спасительных» речей бродяги, и не догадывается, что на самом деле в них и не было смысла. Именно с помощью так называемых «пророчеств» руководители сектантских общин добивались своей власти над последователями. И. М. Добротворский отмечает также, что «пророчества» часто произносились от лица Бога, так как считалось, что в этот момент через «пророка» действует Святой Дух. Исследователь приводит следующее «пророчество» одного из так называемых хлыстовских «христов»: «Скоро, скоро ожидайте, всю вселенну потрясу, а вас, мои избранные, до седьмого неба донесу. Молитесь только больше св. Духу, чтоб пожить в чистоте от пророческого слуху. Плотям своим не угождайте, собор чаще посещайте. А я сам спаситель вами дорожу, и весною много хлебушка порожу. Знайте вы прямую в тайный собор дорогу, вы не бойтесь явного острогу: я Бог вас защищу, до острога вас явного не допущу. Занимайтесь вы только тайным законом, а я свят Дух от мирских-то людей закрою покровом...» [9, с. 104]. Н. И. Барсов приводит такой пример «пророчества»: «... и я, дух святой, с вами невидимо пребывал, / Ваши душеньки в убор небесный убирал, / Все ступеньки ваши я сам, дух святой, считал, / За каждую ступень я сторицей заплачу, / А злого врага во гроб вкочу ...» [2, с. 99]. Сравним с тем, что говорит Василий: «Древний змий! Но да воскреснет Бог! Да воскреснет Бог и

расточатся врази его! Я всех мёртвых призову! На врага его пойду!...»¹ Как мы видим, в «пророчествах» речь идёт от лица Бога; говорится о какой-то борьбе (то ли на земле, то ли на небе, впрочем, неважно: чем непонятнее «пророчество», тем лучше – слушатели будут сомневаться в своём уме, а не в истинности слов «пророка»); прослеживается тема «защиты» членов секты от «врагов» (которыми для хлыстов являлись в первую очередь органы правопорядка). Василий грозитя расправиться с дьяволом, чем внушает почтение и одновременно вызывает ужас хозяйки постоялого двора, которая украдкой крестится под косынкой, то есть интуитивно понимает, что эти «пророчества» не от Бога, и хочет оградить себя от нечистой силы.

На первый взгляд, может вызвать сомнение принадлежность Василия к какой-либо общине, особенно во второй части рассказа, когда он становится странником и его сопровождает Софья. Однако как раз этот сюжет и иллюстрирует саму «стихию» русского сектантства: в рассказе показана не столько этнографическая точность изображения псевдорелигиозной общины, сколько сам процесс зарождения и формирования секты. По-видимому, Василию наскучило находиться в подчинении у своей «матушки по духу», которая ловко считает деньги, но вряд ли ими с ним делится, и он пустился в странствие. Вначале проходимцу безоговорочно верит одна экзальтированная барышня, затем он начинает «пророчествовать» и

уже скоро может собирать вокруг себя людей. Так, этнограф А. С. Пругавин начинает одну из своих книг о хлыстовщине следующим наблюдением: «в роли ... пророков и проповедников мы встречаем разных юродивых, “блаженных” и старцев – простецов. И эти простецы и юродивые – тёмные, неграмотные, нередко косноязычные – помыкали знатными, гордыми боярынями, графинями и княжнами» [20, с. 8]. Это наблюдение как нельзя лучше отражает сюжетную линию «Странной истории». Ряд учёных, изучавших историю сект, указывает на то, что основатели квазицерковных объединений поначалу были именно странниками, которые ходили и смущали народ своими экстатическими непонятными речами. В частности, именно такой путь появления хлыстовщины рисует современный исследователь исторических сект А. А. Панченко: «По своей социальной организации ранняя хлыстовщина была полицентричной. Важно подчеркнуть, что движение мистического сектантства тесно связано с принципом харизматического “учительства”: исключительную роль в общине или группе играл лидер, считавшийся “христом” или “пророком” и окружавший себя учениками. Таких лидеров в ранней истории хлыстовщины могло быть много ... Судя по всему, первоначально они вели страннический образ жизни» [18, с. 125].

Особым почётом в хлыстовских общинах пользовались лица, страдающие «падучей болезнью» – она наделялась сакральным смыслом. Как мы помним, «падучей» страдают и Василий, и Мурин. Так, Матридия Карповна предупреждает рассказчица, что её сын «в падучке». А «падучая

¹ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 180.

болезнь» Мурина спасла Ордынову жизнь: эпилептический припадок случился со стариком именно тогда, когда он схватил ружье, чтобы выстрелить в непрошеного гостя. На падучую болезнь как на отличительный признак хлыстовского «пророка» указывает и П. И. Мельников-Печерский: «Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нередко в самом деле оказываются страдающими чёрной немочью или падучей болезнью» [17, с. 277–278].

Ещё один род занятий, объединяющий героев «Хозяйки» и «Странной истории», – это осуществление оккультных практик на возмездной основе, притом и в том и в другом случае это делается тайно, во избежание ответственности перед законом. Здесь важно отметить, что если для традиционного христианства сочетание веры в Бога, участия в церковных службах и оккультизма (колдовства, гаданий, спиритических сеансов) абсолютно исключено, то для хлыстовства это было вполне типичным явлением. Так, А. П. Щапов отмечает, что «про чародейства и волшебнические действия Данилы Филиппова (основателя секты, называвшего себя Богом-Отцом. – Т. К.) и Ивана Тимофеевича Сулова (активного распространителя хлыстовства, называвшего себя Христом. – Т. К.) сохраняются ... легенды и мифы» [23, с. 604]. Исследователь обращает внимание на то, что хлыстовские «пророки» и «пророчицы» предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т. д., то есть действовали, как обыкновенные деревенские колдуны. Религиозные практики хлыстов, по мнению исследователя, восходят именно к языческим риту-

алам: «... Самые свойства действия лже-пророков и лже-пророчиц “людей божиих” ... суть не что иное, как только высшее проявление главных атрибутов чудско-славянских волхвов, кудесников и шаманов» [23, с. 602]. На то, что хлыстовские «пророчества» практически ничем не отличались от гаданий, указывает и А. А. Панченко [18, с. 174]. Татарин-дворник рассказывает Ордынову, что Мурин предсказывал судьбу приходившим к нему за денежные средства, а «без деньга – ни»¹. По словам Ярослава Ильича, Мурин – «мистик и имел ужасное влияние на приходивших к нему»², а на вопрос Ордынова, занимается ли Мурин в настоящее время такими практиками, Ярослав Ильич отвечает: «Строжайше запрещено-с»³.

Как выясняется в финале повести, дом Кошмарова, где проживали Мурин и Катерина, представлял собой шайку воров, контрабандистов и мошенников, из которых «иных переловили, за другими ещё только гоняются»⁴. «Идейным вдохновителем» шайки был сам Мурин, на что содержится намёк в конце произведения. «Вы проливаете новый свет»⁵, – говорит Ордынову

¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 282.

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

⁴ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

Ярослав Ильич, впервые задумавшись об участии Мурина в «шайке мошенников». Ещё раньше «разбойником и душегубцем»¹ называет Мурина Алёша, друг детства Катерины, ставший жертвой его ревности.

В «Странной истории» слуга Ардалион, рассказывая о «чудесах» Василия, призывает рассказчика к осторожности: «Дела всё-таки запрещённые»². И сам рассказчик уверяет Матридию Карповну, что он не намерен обращаться в полицию. Показательно, что, соглашаясь на сеанс гипноза, герой заранее понимает, что будет обманут: «Я не сомневался в том, что меня собирались одурачить, но каким образом? вот что возбуждало моё любопытство»³. Прождав Василия довольно значительное время, рассказчик уже начинает сомневаться, придёт ли он вообще: может быть, он заплатил деньги впустую: «этаким образом быть одураченным не входило в мои расчёты»⁴ [курсив авт.]. И если для него фокус Василия с «вызыванием» образа покойника (а это именно «фокус», обман, рассчитанный на скучающих хмельных посетителей, – недаром же Матридия советует рассказчику побольше выпить вина за

обедом – есть не что иное, как игра), то Софья, поверившая в мистические способности шарлатана, расплачивается жизнью.

Нельзя не заметить общее и в портретных особенностях обоих «пророков». И Василий, и Мурин вызывают страх. Герой-рассказчик в «Странной истории» Тургенева запомнил «косматую гриву спутанных волос», «крупные, слегка искривлённые губы», «белесоватые глаза»⁵, а во время второй встречи он обращает внимание на то, что выражение лица Василия стало «ещё страшнее» и даёт подробное описание юродивого: «Он сидел на лавочке под воротами и, упершись в неё обеими ладонями, раскачивал направо и налево понурённую голову, – ни дать и взять *дикий зверь в клетке*. Густые космы курчавых волос закрывали ему глаза и мотались из стороны в сторону так же, как и отвисшие губы. Странное, почти *нечеловеческое* бормотание вырывалось из них»⁶ [курсив наш. – Т. К.]. Духовное состояние этого самозваного «пророка» при помощи портретных черт показано, на наш взгляд, совершенно явственно: в то время как он присваивает себе волю Бога, выдавая свои невразумительные речи за Божественное откровение, он утрачивает даже человеческое – черты его становятся звериными. Портрет Василия позволяет и Ю. В. Масловой определить авторское отношение

¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 300.

² Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 165.

³ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 169.

⁴ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 170.

⁵ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 170.

⁶ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 183.

к герою: «Тема юродства занимала Тургенева, но описание Василия говорит о стойкой антипатии писателя к своему персонажу ... Эволюция Василия Никитича из мещанина в юродивого отталкивает Тургенева, и он наделяет своего героя чертами пророка хлыстов» [16, с. 84]. Мурин тоже вызывает страх, но в его облике прослеживается не просто сумасшествие, а демонические черты. Ордынцов видит в его взгляде «что-то презрительное и злобное», а в итоговой схватке за Катерину, когда старик понимает, что его власть над её душой непоколебима, и торжествует над соперником, Ордынцов слышит его «дьявольский, убивающий, леденящий хохот»¹.

Героини обоих исследуемых произведений, безусловно, жертвы обмана и насилия над их волей. Так, Софья, раз поверив в «сверхъестественный дар» Василия, решает, что все его действия богоугодны и что он именно тот «учитель», который ей нужен. Дальше Василию уже нетрудно убедить её в чём угодно: покинуть родительский дом, скитаться и, скорее всего, попрошайничать. Софье хотелось найти «учителя», чтобы отдать ему свою волю. Это как будто о ней, а не о Катерине говорит Мурин: «Дай ему волюшку, слабому человеку, – сам её свяжет, назад принесёт»². Трагедия зависимости Катерины от Мурина неоднократно осмысливалась исследователями. Так, А. Б. Криницын называет Катерину не «хозяйкой» себе самой [13, с. 163] и

акцентирует внимание на её фатальной несвободе: «Мечтатель пленён до самозабвения героиней, в то время как она сама подпадает под власть зловещего соперника» [13, с. 164]. Е. С. Зорина сравнивает зависимость Катерины от старика в «Хозяйке» с зависимым положением Катерины в пьесе Островского «Гроза», убедительно доказывая, что для обеих героинь свойственно ощущение мистического страха и надвигающейся катастрофы [10].

Героинь Тургенева и Достоевского объединяют и портретные черты: в лицах и Софьи, и Катерины много детского. При первой же встрече с Софьей рассказчик обращает внимание на детскость всего её облика: «Лицо у ней было совсем детское, круглое, с маленькими приятными, но неподвижными чертами...»³. Примечательно, что, описывая внешность Софьи, рассказчик употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы: «голубые глазки», «пухлый ротик», «маленькие ножки». Софья – обманутый ребёнок. На трагедию её несвободы, основанную именно на манипуляции религиозным чувством, обращал внимание ещё Ю. Д. Левин: «Покорность рядовых сектантов, доходящая до бесчеловечного и изуверского самоуничтожения и самоотречения, показана Тургеневым в “Странной истории”, в образе Софии Б.» [14, с. 124]. И никак нельзя согласиться с мнением исследователей, наделяющих этот образ героическими чертами. Так, писатель М. Авдеев ставит Софью в один ряд с Татьяной

¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 310.

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 317.

³ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 162.

Лариной и Лизой Калитиной: «... тот долг, которому следовали Татьяна, Лиза и Софья, имеет одну общую черту покорности и преклонения и составляет, по-видимому, признак совершенно русского женского понимания долга» [1, с. 206]. В. М. Головкич считает, что «личное у Софи последовательно приносится в жертву общему. Это и роднит её с самоотверженными девушками, участницами народнического движения, которые, по словам автора-повествователя, “так же пожертвовали всем тому, что они считали правдой, в чём они видели своё призвание”» [6, с. 381]. Однако в сюжете «Странной истории» никакого «общего дела» нет: Софья совершенно бессмысленно приносит себя в жертву именно и только Василию, который ещё и надолго переживёт её: в конце рассказа автор с печальной иронией замечает, что он и до сих пор юродствует: «железное здоровье подобных людей поистине изумительно. Разве падучая его сломила»¹.

Детскость во внешности Катерины также сразу бросается в глаза Ордынову: при первой встрече в церкви он обращает внимание на «следы какого-то детского страха и таинственного ужаса»², на него производят неизгладимое впечатление её «кроткие, тихие черты лица, потрясённого таинственным умилением и ужасом, облитого слезами восторга или младенческого (sic! – Т. К.)

покаяния»³. Ордынов определяет власть Мурина как «обман, расчёт, холодное тиранство», перед которыми, со своей любовью, он оказывается бессилён. Герой стремится, но не может выволочь Катерину из её страшного плена. Действительно, власть сектантского (хлыстовского или скопческого) пророка абсолютна. По наблюдению П. И. Мельникова-Печерского, «непогрешимость папы, божественность далай-ламы, хутухт и хубильханов ничто в сравнении с непогрешимостью и божественностью хлыстовского или скопческого Христа или пророка!» [17, с. 281]. Тема абсолютной власти лидера культа как нельзя более актуальна и в наши дни, и здесь мы сталкиваемся с современным звучанием классики. «Попадая в секту, – отмечает современный исследователь проблемы культов А. А. Воат, – человек может систематически подвергаться избиениям, унижениям, обману, утрачивает интерес к своей семье, к общественной жизни, вплоть до реализации суицида» [4, с. 241].

Показательно, что позиции Тургенева и Достоевского в этом вопросе – тирании сектантского «пророка» под маской духовности – сходятся. Художественная правда обоих писателей позволяет им безошибочно определить разрушительную силу сектантства для личности и общества. Изображение сектантского лидера, лжепророка, в обоих произведениях подтверждается историческими исследованиями о сектах. Таким образом, художественно-интуитивное прозрение русских классиков совпа-

¹ Тургенев И. С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения. Т. X. М., Л.: Издательство «Наука», 1965. С. 185.

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 268.

³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 269.

дает с выводами учёных: историков, этнографов, богословов – во взглядах на сектантство как на силу, порабощающую личность.

Статья поступила в редакцию 28.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев М. В. Наше общество в героях и героинях литературы за пятьдесят лет. СПб.: типография Я. Баянского, 1907. 272 с.
2. Барсов Н. И. Русский народный мистицизм (хлыстовщина) // Исторические, критические и полемические опыты Николая Барсова. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1879. С. 71–113.
3. Бродский Н. Л. Тургенев и русские сектанты. М.: Никитинские субботники, 1922. 48 с.
4. Воат А. А. Деструктивные тоталитарные культы (на примере «Ашрама Шамбалы») // Научный альманах. 2018. № 4-2 (42). С. 240–242.
5. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.
6. Головкин В. М. Библейский контекст мотива самоотвержения в сюжете «Странной истории» И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 368–386.
7. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования; изд. 3-е, переработанное и дополненное. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. 816 с.
8. Диакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. 1995. Т. 2, № 3/4, С. 59–84.
9. Добротворский И. М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Исследование профессора Казанского университета И. Добротворского. Казань: Университетская типография, 1869. 200 с.
10. Зорина Е. С. Сравнительно-сопоставительный анализ двух женских образов Ф. М. Достоевского и А. Н. Островского // В поисках слова. Открытия минувшего: сборник научных работ студентов, магистрантов и молодых учёных. М.: МГПУ, 2016. С. 148–153.
11. Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости (введение в изучение Достоевского) // Творческий путь Достоевского: сборник статей / под ред. Н. Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924. 216 с.
12. Карпачева Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 34. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39.
13. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2017. 456 с.
14. Левин Ю. Д. Неосуществлённый исторический роман Тургенева // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы. Орёл: Орловское книжное издательство, 1960. С. 96–131.
15. Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект; изд. 3, исправленное и дополненное. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1910. 232 с.
16. Маслова Ю. В. И. С. Тургенев и старообрядчество // Научно-исследовательская работа в музее: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции,

- посвящённой памяти профессора Н. Г. Самариной (Москва, 01–02 декабря 2012 г.) / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников, И. Б. Хмельницкая. М.: Экон-Информ, 2013. С. 70–88.
17. Мельников П. И. (Андрей Печерский) Белые голуби // Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 255–376.
  18. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект; 2 изд. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. 541 с.
  19. Плотников К. Н. История и обличение русского сектантства; изд. 2, переработанное. Петроград: Типография М. И. Акинфеева, 1914. 344 с.
  20. Пругавин А. С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). Вып. 1. М.: Задруга, 1917. 127 с.
  21. Реизов Б. Г. «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме жанра) // Русская литература. 1976. № 1. С. 144–148.
  22. Реутский Н. В. Московские «божьи люди» во второй половине XVIII и XIX столетия // Русский Вестник. 1882. № 5. С. 5–79.
  23. Щапов А. П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Щапова. Т. 1. СПб.: Издательство М. В. Пирожкова, 1906. С. 580–647.

REFERENCES

1. Avdeev M. V. *Nashe obshchestvo v geroyakh i geroinyakh literatury za pyat'desyat let* [Our society is in the heroes and heroines of literature for fifty years]. St. Petersburg, typography Ya. Balyanskogo Publ., 1907. 272 p.
2. Barsov N. I. [Russian folk mysticism (Khlystovschina)]. In: *Istoricheskie, kriticheskie i polemicheskie opyty Nikolaya Barsova* [Historical, critical and polemical experiences of Nikolay Barsov]. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta Udelov Publ., 1879. pp. 71–113.
3. Brodskii N. L. *Turgenev i russkie sektanty* [Turgenev and Russian sectarians]. Moscow, Nikitinskie subbotniki Publ., 1922. 48 p.
4. Voat A. A. [Destructive totalitarian cults (on the example of “Ashram Shambala”)]. In: *Nauchnyi al'manakh* [Science Almanac], 2018, no. 4-2 (42), pp. 240–242.
5. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskii i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and his contemporaries: a life in documents]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 607 p.
6. Golovko V. M. [The biblical context of existential self-rejection motive in Ivan Turgenev's “The strange story”]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2015, no. 13, pp. 368–386.
7. Dvorkin A. L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [The sect studies. Totalitarian sects. The experience of systematic research]. Nizhny Novgorod, Khristianskaya biblioteka Publ., 2012. 816 p.
8. Dilaktorskaya O. G. [The skoptsy and skopchestvo in Dostoevskij's portrayal (To the interpretation of “The Mistress”)]. In: *Philologica*, 1995, vol. 2, no. 3/4, pp. 59–84.
9. Dobrotvorskii I. M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemykh dukhovnykh khristian. Issledovanie professora Kazanskogo universiteta I. Dobrotvorskogo* [The people of God. Russian sect of so-called spiritual Christians. The study of Professor of Dobrotvorskyy Kazan University]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1869. 200 p.
10. Zorina E. S. [Comparative analysis of two female images of F. Dostoevsky and A. Ostrovsky]. In: *V poiskakh slova. Otkrytiya minuvshego: sbornik nauchnykh rabot studentov, magistrant-*

- tov i molodykh uchenykh* [In search of words. Discoveries of the past: collection of scientific works of students, graduates and young scientists]. Moscow, Moscow City University Publ., 2016. pp. 148–153.
11. Istomin K. K. [From the life and work of Dostoevsky in his youth (introduction to the study of Dostoevsky)]. In: Brodskii N. L., ed. *Tvorcheskii put' Dostoevskogo: sbornik statei* [Creative way of Dostoevsky: a collection of articles]. Leningrad, Seyatel' Publ., 1924. 216 p.
  12. Karpacheva T. S. ["Khlystov trace" in the story of F. Dostoevsky "The Mistress"]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh no. 34* [Dostoevsky and world culture. Almanac no. 34]. St. Petersburg, Serebryanii vek Publ., 2016. pp. 30–39.
  13. Krinitsyn A. B. *Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo* [The plotology of the novels of F. Dostoevsky]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. 456 p.
  14. Levin Yu. D. [Unrealized historical novel by Turgenev]. In: *I. S. Turgenev (1818–1883–1958): stat'i i materialy* [I. Turgenev (1818–1883–1958): articles and materials]. Orel, Orlovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960. pp. 96–131.
  15. Margaritov S. D. *Istoriya russkikh misticheskikh i ratsionalisticheskikh sekt* [The history of Russian mystical and rationalistic sects]. Simferopol, Tavricheskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1910. 232 p.
  16. Maslova Yu. V. [I. Turgenev and Old Believers]. In: Reshetnikov N. I., KHmel'nitskaya I. B., comp. and eds. *Nauchno-issledovatel'skaya rabota v muzee: Materialy XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora N. G. Samarinoi (Moskva, 01–02 dekabrya 2012 g.)* [Research work in museum: proceedings of the 12th All-Russian scientific-practical conference dedicated to the memory of Professor N. Samarina (Moscow, 01–02 Dec 2012)]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2013. pp. 70–88.
  17. Mel'nikov P. I. (Andrei Pechersky) [White doves]. In: *Sobranie sochinenii: v 6-ti tomakh. T. VI* [Collected works: in 6 volumes. Vol. VI]. Moscow, Pravda Publ., 1963. pp. 255–376.
  18. Panchenko A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skopchestvo: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. Moscow, Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 541 p.
  19. Plotnikov K. N. *Istoriya i oblichenie russkogo sektantstva* [History and denunciation of Russian sectarianism]. Petrograd, Tipografiya M. I. Akinfeeva Publ., 1914. 344 p.
  20. Prugavin A. S. *Bunt protiv prirody (o khlystakh i khlystovshchine). Vip. 1* [Revolt against nature (about khlysts and khlystovshchina). Iss. 1]. Moscow, Zadruga Publ., 1917. 127 p.
  21. Reizov B. G. ["The Mistress" by F. Dostoevsky (to the problem of the genre)]. In: *Russkaya literatura* [Russian literature], 1976, no. 1, pp. 144–148.
  22. Reutskii N. V. [The Moscow "people of God" in the second half of the 18th and 19th century]. In: *Russkii Vestnik* [Russian Herald], 1882, no. 5, pp. 5–79.
  23. Shchapov A. P. [Mental trends of Russian split]. In: *Sochineniya A. Shchapova. T. 1* [Works by A. Shchapov. Vol. 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. V. Pirozhkova, 1906. pp. 580–647.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета; доцент кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета; e-mail: filology888@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Karpacheva – PhD in Philological Science, associate professor at the Department of Russian literature, Moscow City University; associate professor at the Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: filology888@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпачева Т. С. Образ хлыстовского «пророка» в творчестве Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 102–116.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-102-116

FOR CITATION

Karpacheva T. S. The image of the “prophet” khlystov in the works of F. Dostoevsky and I. Turgenev. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3. pp. 102–116.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-102-116